

ОУИ НБ МГУ №134

О трагедии «Владимир Маяковский», Велимире Хлебникове и своем псевдониме

Она ужасно растерялась, когда ее спросили об Ибсене.
ЛАСЬ ? УМЕНЬШИЛАСЬ ? ВОШЛА В ПЛАТЬЕ ? УПАЛА СВЕРХУ?
НЕТ, СОБСТВЕННО, НЕ УПАЛА, НО - ПРАВДА - ПРИШЛОСЬ ДЕРЖАТЬСЯ ЗА
МОЛЧАЛИ. НЕ ЗНАЮ, <http://oralhistory.ru/talks/orh-134> ПО УЛИЦЕ, НО БЫ-
ЛИ СРАЗУ ВСЕ УЛИЦЫ, ВСЕ ДОМА, ВСЕ ПОВОРОТЫ, И ДАЖЕ ТО, ЧТО ЗА
ГОРОДОМ, И ДАЖЕ ТО, ЧТО ВЧЕРА, И ВСЕ, ЧТО МОЖНО БЫЛО ПОДУМАТЬ,
И СКАЗАТЬ, И ЗАХОТЕТЬ. И МОГЛА ПРИШЛОСЬ ОТВЕЧАТЬ ОБ ИБСЕНЕ,
Она ужасно растерялась и беспомощно распустила губы. Ну, что

19 января 1970

Собеседник

Гуро Екатерина Генриховна

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 19 января 1970 и опубликована 6 декабря 2018.

Введение

В третьей беседе Виктор Дувакин пытается пробудить у Екатерины Гуро воспоминания о встрече с Маяковским, состоявшейся в 1915 году, для чего читает ей воспоминания Иннокентия Оксенова, в которых упоминаются и великий поэт, и Гуро, однако озарения не происходит. Впрочем, собеседницу это настраивает на нужную волну, и, когда речь заходит о Велимире Хлебникове, та неожиданно рассказывает довольно личные подробности характера Председателя земного шара. Конец беседы посвящен революционному прошлому Екатерины Гуро (и выясняется, что, живя у Юлия Мартова, она регулярно сталкивалась с Владимиром Лениным), а также ее поездкам в Швейцарию и тому, откуда возник ее литературный псевдоним Низен.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Екатерина Генриховна, вы помните, кто такой Иннокентий Оксенов?

Екатерина Генриховна Гуро: Фамилию помню, но не уверена, связываю ли я ее с тем, с кем нужно или с кем-то другим. Понимаете?

В. Д.: Понятно. Ну, скажем, Натана Альтмана вы помните?

Е. Г.: Нет.

В. Д.: Тоже нет? Льва Бруни?

Е. Г.: Бруни? Фамилию тоже знаю, но между прочим вот эти фамилии, Бруни, никоим образом я с футуристами не связываю.

В. Д.: Это теперешний... Потом был муж Нины Константиновны Бальмонт, дочка Константина Дмитриевича.

Е. Г.: А, да-да-да.

В. Д.: А Татлина вы знавали?

Е. Г.: Татлина? Да.

В. Д.: Конечно. Вот этот Иннокентий Оксенов, сейчас его давно уже нет в живых, в 1940 году опубликовал в сборнике «Маяковскому» воспоминания о Маяковском, из которых я вам со страницы... почитаю кусочек. Страница восемнадцатая. Я выключаю, потому что текст не нужно записывать, вам его прочитаю, потом включу снова. (*Пауза в записи.*) Так вот, Екатерина Генриховна, я прочитал вам отрывочек из воспоминаний Иннокентия Оксенова на восемнадцатой странице сборника «Маяковскому», вышедшего в 1940 году в Ленинграде, где вы упоминаетесь и описывается обстановка. Далее в этих воспоминаниях рассказывается о том, кто там читал. Рассказывается и появление Маяковского, потом, что Мгебров читал там Верхарна, что Натан Венгров, Рюрик Ивнев, Мария Левберг и немногие другие читали стихи, которых автор характеризует такими словами, что им нельзя было отказать в искренности и человечности, хотя в их стихах слышался вызванный эпохой надрыв. Идут стихи, не знаю чьи:

Темнели пятна опавших листьев

С протяжной песней.

Качался провод. И было в небе легко и звездно.

Вернись, воскресни!

Теперь — я знаю, теперь — я верю. И все понятно...

— Поздно...

Чьи стихи — не сказано: Венгорова, Ивнева или Тевберг, не знаю. «Маяковский читал последним. Окружив себя облаком табачного дыма, он выпрямился во весь рост в углу комнаты у круглой печки:

Вы думаете — это бредит малярия?

это было,

было в Одессе.

В мире больше не было больше никаких других стихов. Строки „Облака“ победно утверждали новый поэтический мир, где все было напряжено до предела»¹.

¹ Цит. по: Маяковскому. Сборник воспоминаний и статей. Сост.: Вс. Азаров, С. Спасский. Л., 1940. С. 19.

Больше не буду вас утомлять. Но поскольку вы присутствовали на этом вечере, я принес вам это и прочитал. Может быть, это вызовет у вас... Дальше идет очень сильное описание того, как читал

Маяковский, но мне интересно, может быть, вы сами этот вечер помните? Коли вы этот вечер помните, то вот тут-то я...

Е. Г.: Вот видите, возможно, что было несколько вечеров. В которых, понимаете, перекидывалось из одного в другое кое-что, так что один был вот такой вечер, может быть, было еще что-нибудь в другой комнате, в другом месте <нрзб>. Понимаете, могло быть перепутано. В том, что вы говорили, ничего для меня непонятного или чуждого не было, не было.

В. Д.: В том, что я читал?

Е. Г.: В том, что вы читали, да. Но как вам сказать... Как будто этого мало... не знаю...

В. Д.: Вы себя там не помните? Ведь тем более там был Натан Венгров. Вы не помните себя в этой комнате, эту скатерть², не вспоминаете?

² «Но главным сокровищем редакции [«Нового журнала для всех»] была большая скатерть из простого холста, на которой сотрудники журнала и гости оставляли свои подписи. Эти подписи затем вышивались разноцветным шелком. Здесь пестрели имена всех тогдашних поэтов и многих прозаиков». Цит по: Маяковскому. С. 18.

Е. Г.: Нет, представьте себе, нет. Это со мной очень часто бывает, что себя я не чувствую. Я вот с вами разговариваю, и если меня кто-нибудь потом что-нибудь спросит, то я вас бы ясно представила, а себя — совершенно нет. Не знаю даже, была я или не была.

В. Д.: Так. Значит, я просто думал, что можно тут что-нибудь дополнить или проверить Оксенова. Тогда я проделаю еще один маленький эксперимент. Я еще оттуда... Ну, вы слышали «Облако в штанах», да?

Е. Г.: «Облако в штанах»? Да. Но подождите... Но я ни разу не помню, чтоб мне «Облако в штанах» прочли от начала до конца. А я всегда помню несколько кусочков, которые на меня произвели впечатление и которые меня заставили как-то иначе, много иначе думать как-то, на меня произвели впечатление.

” Вообще я себя как-то очень уменьшала в этой компании, потому что я не считала себя какой-то футуристкой, понимаете?

В. Д.: Не считали себя?

Е. Г.: Вот представьте себе! Что я скорее... Одним словом, моя позиция была такая: у меня сестра футуристка, у нее очень интересные знакомые, она меня усиленно туда тащит, но я и мой мир — это не совсем одно и то же. И что ни они в моем мире не были, ни я в их своя вполне не была. Это у меня ясно совершенно.

В. Д.: Это очень важное свидетельство, и, так сказать, очевидное. Но, значит... Тогда, пожалуй, нет смысла вам дальше... Ну, впрочем, уж используем эти, поскольку я принес, эти воспоминания до конца, просто я поинтересуюсь, помнятся ли вам цитаты, которые он приводит. Он дальше говорит... И не вызывает ли этот текст (теперь уж я буду читать под микрофон), не вызывает ли он с вашей стороны протеста в смысле какой-нибудь фальши или вы его ощущаете...

Е. Г.: Подождите, протест против чего?

В. Д.: Вот человек в старости, ну, не в старости, а во всяком случае в пожилых годах, в 40-м году, вспоминая свою молодость, да еще когда Маяковский так канонизирован был, вот написал эти воспоминания. Меня интересует, нет ли в них хрестоматийного глянца, то есть вы воспринимали «Облако в штанах» так же, как тут написано? Как вам слова, которые тут говорят, воспримутся: как правдивые или как фальшивые? Вот вопрос. Поняли?

Е. Г.: Очень, очень интересный вопрос, но я думаю, что я очень немного могу на них ответить.

Я скажу только одно: я без конца любила свою сестру, так же, как и она меня, причем у нас такое отношение, что она меня ставила почему-то очень высоко во всем, и к моему мнению она невероятно прислушивалась. А я, со своей стороны, очень ценила ее и все.

Но было что-то, что меня от нее все-таки отделяло, не столько от [нее], сколько, пожалуй, от ее атмосферы. Какая-то грань, именно грань была. Я легко переходила через эту грань, но обосновать ее или оправдывать я не могу сейчас.

В. Д.: Понимаю. То есть... Ну, тогда... Вы, так сказать, стали в другом... и это очень важно, то есть атмосфера футуризма вам была чужда. Вы были там постольку, поскольку там была ваша сестра, да?

Е. Г.: Нет, не совсем...

В. Д.: ... Но вместе с тем... А сестра была наполовину там, а вместе с тем она была вам очень близка. Так?

Е. Г.: Это и то, и не совсем верно. Потому что по отношению... если брать мою сестру и ее отношение, с одной стороны, к футуризму, с другой стороны — ко мне, это не было такой какой-то отдельностью, а было так: Катя <нрзб>, конечно, все так же чувствует, все это так же думает, но только она, как бы сказать...

В. Д.: Немножко ошибалась, что вы так же чувствуете?

Е. Г.: Нет, нет, не то что ошибалась, но она не хочет, она как-то не хочет до конца соглашаться, что... я не знаю это очень трудно сказать...

В. Д.: Ну хорошо, значит, о Маяковском вы больше... вспоминать вам трудно. Тут дальше цитируются строчки, очень хорошо он пишет об огромном впечатлении: «Что притягивало и покоряло в его стихах — прежде всего титанических размах образов:

Обгорелые фигурки слов и чисел

Из черепа

как дети из горящего здания.

Так страх

схватиться за небо

высил

Парящие руки „Лузитании“³.

³ Цит. по: Маяковскому. С. 20.

Это вы помните, строфы?

Е. Г.: Как будто помню. Во всяком случае, могу вам сказать: суть этого... как будто оно... размах всего этого — это, конечно, <нрзб> приятен и дорог...

В. Д.: «Звучавшие непрерывным потоком стихи наконец создавали, черта за чертой, образ самого поэта, образ, которого ранее еще не знала русская поэзия». И цитируется уже не «Облако в штанах», а другое стихотворение «Я и Наполеон»:

Он раз к чуме приблизился треном

смертию смерть поправ, —

Я каждый день иду к зачумленным

По тысячам русских Яфф...

(Далее Оксенов цитируется не дословно.) «Так, кроме „Облака...“ поэт прочел военные стихи „Великолепные нелепости“ и ряд других стихотворений, среди них помню „Послушайте“ и „Флейта-позвоночник“. Все это было прочитано полностью, без вынужденных тогда в печати сокращений.

Это был почти весь дореволюционный Маяковский в его самых значительных произведениях». Ну, больше я цитировать не буду. Вот, мне кажется, что такой большой вечер как-то должен был запомниться. И у меня есть подозрение: не путает ли он... Может быть, вас там не было? Как вы думаете?

Е. Г.: Вот видите, этого я не могу сказать. Представьте себе, что было два вечера, которые в чем-то совпадали между собой. И одно было, может быть, не вполне в той обстановке... Мне показалась странной скатерть вышитая...

В. Д.: Показалась странной?

Е. Г.: Нет, неужели бы я не запомнила, ну, так сказать, по-женски, не запомнила, что вот висит скатерть... так-то...

В. Д.: На столе. На столе лежала скатерть, на столе.

Е. Г.: Ага, на столе, ну да. Тем более, тем более, если на столе, неужели бы я ее так не заметила? Я вот думаю, что, может быть, было два вечера, и в одном было много других еще подробностей, а был и другой, где такой скатерти не висело, а было что-то... Или я не сидела близко. У меня скорее запомнилась стена, завешенная какими-то рисунками⁴, и вот...

⁴ Между тем у Оксенова: «Оклеенные дешевыми обоями стены были украшены парусиновыми „коврами“, рисунками Натана Альтмана, Льва Бруни и „композициями“ Татлина из кусков жести, картона и проволоки». Маяковскому. С. 18.

В. Д.: Впрочем... простите, я перебил. Впрочем, насчет того, что эта скатерть на столе, это, в конце концов, я сейчас сам додумал, я так себе представил. Потому что здесь не сказано. Просто «главной достопримечательностью была скатерть». Я почему-то представил себе, что она на столе, может быть, она и висела, не знаю...

Е. Г.: Ну да. Вот это-то может быть... это возможно...

В. Д.: Но вы не помните такой скатерти?

Е. Г.: То есть не помню так... Знаете что, мне скорее помнятся какие-то кусочки этого всего, но не целое, будто бы было что-то, на чем было вышито, и так... Но с другой стороны, было еще что-то, и кто-то захотел сделать некоторое целое из чего-то и объединил и (?) вышитую скатерть, и то, что она висела.

В. Д.: Так, то есть для 1940 года это вполне вероятно. Тут, знаете, Маяковский был канонизирован. Может быть, этот Иннокентий Оксенов создал... воспоминания его носят такой немножко синтетический характер, возможно. Более конкретные воспоминания в той же книжке у Ольги Матюшиной, второй жены Михаила Матюшина.

Е. Г.: Между прочим, вам ничего бы не стоило с ней снестись.

В. Д.: Она жива разве?

Е. Г.: Оля? Она моя большущая подруга, мы с ней все время переписываемся.

В. Д.: Но она не в Москве? Где она живет?

Е. Г.: Она все время в Москве, уезжала, летом она уезжала куда-то отдыхать. Вот только что мне написала. Она вообще меня как-то ужасно преувеличивает, что ли, очень ко мне хорошо относится. И вот недавно она мне еще написала что-то и везде обо мне так говорит: «Катя, конечно, будет молчать и ничего

не ответит. Это на нее похоже». Ну вот, она пишет, значит, моему сыну: «Вот вы мне напишите, пожалуйста, как ее здоровье». И то и другое...

В. Д.: Хорошо. Так вот в воспоминаниях... а к ней я... ее я, так сказать, поставлю на свою очередь. Вот. Ну вот, ее воспоминания, тогда же написанные, в 40-м году, о Владимире Маяковском. И там непосредственно уже говорится о вас. Так. Сначала я опять частично выключу, чтобы большие цитаты не вводить в магнитофон... Но вам для обстановки прочитаю: «В женском медицинском институте шел вечер с участием футуристов. Зал был полон... Зал притих. Начались выступления. Некоторым хлопали, над другими смеялись и свистели. На долю поэта Крученых достались особенно много насмешек и свистков.

Выступила Низен. (Выступила.) Она (Низен) читала стихотворение Елены Гуро». *Позднейшее примечание В. Д. Дувакина:* «Свист, сопровождающий текст, правда, очень кстати, возник в магнитофоне по моему недосмотру: очевидно, забыв выключить динамик, я слишком приблизил микрофон к магнитофону. И, к сожалению, сопровождает текст очень далеко. Подлинник я прочел почти до конца страницы 23-й, с которой начинается цитата, по сборнику «Маяковскому», все описание выступления самого Маяковского, включая две цитаты, кончая словами: „Сколько силы“».

⁵ Цит. по: Маяковскому. С. 24. Текст в скобках принадлежит Дувакину.

(Брак записи.)

Е. Г.: ...потому что то, что вы читали, не представляю себе... Много места было и был это вечер <нрзб> в каком-то официальном помещении?

В. Д.: Медицинский институт женский.

Е. Г.: Ага. Вот то, что вы читали?

В. Д.: Вот то, что читал, это в женском медицинском институте.

Е. Г.: А то ведь, знаете, ведь я помимо этого помню что-то другое, где была небольшая комната, может быть, по величине вроде этой, в которой тоже выступал и Маяковский и другие. Ну, во всяком случае, возможно, что я выступала и тогда, и в другой раз. Это возможно.

В. Д.: Значит, были такие случаи, что вы выступали на одном и том же вечере, что и Маяковский?

Е. Г.: Возможно, возможно, возможно, но был ли это большой вечер, и вообще много ли вечеров таких больших, я не уверена. Но между собой, конечно, между собой были такие гораздо более частые встречи. Гораздо более такие обожженные, ожесточенные, чем вот тут.

В. Д.: Так... *(Перерыв в записи.)*

Е. Г.: Крученых и Маяковский, они были несколько далеки друг от друга в том смысле, что Крученых напал на Маяковского И вот если это при мне бывало, то я яростно защищала, это я помню (?).

В. Д.: Крученых напал на Маяковского?

Е. Г.: Да. <нрзб>. Я не знаю, как это сказать. Но относился к нему недружелюбно, как будто к такому, который что-то выдумывает, покрасоваться, что ли, я не знаю. И что как будто бы он, Крученых, сравнивал себя с Маяковским и находил, что вот он, Крученых, это действительно футурист, а Маяковский, он что-то такое не совсем то (?). А тут у него какая-то была зацепка. Но опять же, я совершенно отказываюсь это как-то крепче обосновывать. Передаю только свои впечатления, что Крученых был недоволен чем-то.

”

Крученых у меня лично, весь в таком узком этом бывал чуть ли не каждый день. И вот, бывая каждый день, ему могло не понравиться, так сказать, чуждым быть, что кого-то другого в этом же самом помещении расхваливают или вообще признают больше, а он, Крученых, как будто тут ничто.

Вот в таком каком-то роде было, наверное <нрзб> и по отношению к футуризму <нрзб>.

Об отношении Елены Гуро и Михаила Матюшина к Маяковскому

В. Д.: Вот что! Это очень важное свидетельство. Я так тоже считаю, что это очень разные, но я человек другой эпохи, даже не сверстник Маяковскому и тем более не старше. Но... просто это ваше такое впечатление свидетеля, оно очень важно. Ну, а как Елена Генриховна... Ее отношение к Маяковскому... как... Вы с ней-то о Маяковском, вероятно, говорили? У нее не было отталкивания?..

Е. Г.: Я думаю... В каком смысле, вы мне объясните, в каком смысле — отталкивания?

В. Д.: Ну, в том смысле все-таки, что она же вот... она все-таки, так сказать, ну, это проза такая очень женская, очень лирическая, немножко импрессионистическая у Елены Генриховны... Да, а Маяковский своей резкостью личной, и в стихах... ее не отталкивал?

Е. Г.: Нет. Я вам скажу, что мы с ней вдвоем много раз на этом пункте, так сказать, сталкивались (?). Но никогда я не помню, чтобы, когда я говорила (я это вам уже сказала): «Но зато он (то есть Маяковский), но зато он шагал от звезды к звезде». Это буквально мои слова. От звезды к звезде. И вот я не помню, чтобы в этом роде, когда мы <нрзб> с Гуро, чтобы она нападала на меня и не соглашалась. Никогда! Не помню этого и не представляю себе, чтобы у нее могло быть какое-то неприязненное отношение к Маяковскому. Не поверю. Не может быть этого! Я так думаю.

Елена и Екатерина Гуро. 1890 г. Источник: elenaguro.narod.ru

В. Д.: Так. Ну, понятно. Но у Матюшина неприязненное отношение к Маяковскому вы потом замечали, да?

Е. Г.: Я очень хорошо знаю Матюшина, конечно...

В. Д.: Я понял вас в одной из наших предыдущих встреч, что Михаил Васильевич Матюшин к Маяковскому относился настороженно. Так сказать, не очень его принимал и что после смерти Гуро как-то и Маяковский с Матюшиным оказались дальше. Так или не так?

Е. Г.: Возможно, возможно. Вот эти самые слова, что после смерти они оказались как-то врозь и шли помимо, как вам сказать, помимо обязанности быть вместе...

В. Д.: Так сказать, по групповой привычке...

Е. Г.: Вот-вот. Но кроме этого, их не связывало... Друг друга они не искали. Мне так показалось.

В. Д.: Значит, я не ошибся.

Е. Г.: Не ошиблись, нет-нет-нет.

В. Д.: Ну вот, я это переспросил еще и потому, что в воспоминаниях Ольги Матюшиной, из которых я вас сейчас читал, дальше (они большие, много страниц), дальше описывается, как Маяковский прибегает взволнованный к Матюшину, причем уже она, Оля, Ольга Матюшина, уже тут присутствует... идет... накануне трагедии «Владимир Маяковский». Во-первых, я тут немножко хочу фактически уточнить. Елена Генриховна умерла раньше, чем была поставлена трагедия? Она в каком году умерла, в 12-м?

Е. Г.: Года я никогда не знала. И не смогу вам ответить⁶.

⁶ Елена Генриховна Гуро умерла 23 апреля (6 мая) 1913 г. от лейкемии. Трагедия «Владимир Маяковский» была поставлена в начале декабря того же года на сцене театра в Луна-парке А. С. Ялышева в Демидовом саду на Офицерской улице Санкт-Петербурга, где до этого располагался театр В. Ф. Комиссаржевской.

В. Д.: Ну, хорошо. Да, она умерла до постановки трагедии. «Небесные верблюжата» — это уже книга посмертная.

Е. Г.: Да, да-да-да, конечно.

В. Д.: Ну вот. Так вот Ольга Матюшина описывает, как Маяковский прибегает к Матюшину страшно расстроенный, что трагедия «Владимир Маяковский», которая должна быть через три дня на сцене, срывается постановка, потому что кто-то сказал артистам, что их закидают всякой дрянью, артистов, и они все отказались играть... в театре Комиссаржевской⁷.

⁷ См.: Маяковскому. С. 28–29.

Е. Г.: В первый раз слышу, очень интересно.

В. Д.: Вот это пишет Матюшина. И что тогда...

Е. Г.: То есть это пишет Ольга Матюшина?

В. Д.: Да, вот здесь в этой книжке. И что тогда...

Е. Г.: Почему же она не рассказала такую интересную вещь?

В. Д.: И что Матюшин говорит: «Нет, спектакль должен состояться!» Матюшин его ободрил: «Играть будут знакомые. Пьеса маленькая. „Оля, — (жене), — ты сыграй нам... будешь играть женщину со слезой“». Она говорит: «Да я же никогда не играла». — «Ну что ж, выучишь». И вот за два дня они набрали, и через три дня состоялся спектакль.

Е. Г.: Это все близко к истине. Об этом я слышала, но точно не знаю, не могу ничего сказать.

В. Д.: А мне показалось это немножко сомнительным. Почему? Мне показалось немножко сомнительным: во-первых, я думал, что Матюшина стала женой позже. Ну, это уж я, очевидно, раз вы дат не помните, у вас

уточнить нельзя. Но вообще ее свидетельствам можно доверять? Матюшиной?

Е. Г.: Можно верить?

В. Д.: Да.

Е. Г.: Верить? Конечно, верить. Я ее хорошо, очень хорошо знаю и я уверена, что она против совести своей — все равно художественной или какой угодно, она говорить никогда не стала бы.

О Велимире Хлебникове

В. Д.: Вот мне надо было, чтобы вы это мне сказали в микрофон, для того, чтобы я шел к ней. Понятно. Ну, хорошо. Ну что же, с этим, я думаю, больше о Маяковском я от вас не извлеку. *(Провал в записи.)*

О Хлебникове вы сказали совсем мало.

Е. Г.: О Хлебникове сказала мало, но у меня впечатлений о Хлебникове гораздо больше, чем о Маяковском.

В. Д.: Так может быть, вы дополните? Вы сказали только одно: что он был как будто бы окружен какой-то невидимой стеной. Это все, что вы о нем сказали, а никаких конкретных...

Е. Г.: Хорошо. Он был в своем мире и жил в своем мире. И от этой жизни в своем мире в нем, так сказать, физическом облике, который вот сидит за столом со всеми, было много чего почти непереходимого (?). Кажется, что он просто не своем уме. Например, так. (Я сейчас вам скажу, но прошу на это не напирать особенно.) Он не позволял дотрагиваться до... когда человек ходит и извлекает свои, как бы вам это сказать... Ну, вот человек ест, ест, накапливается, потом надо ему пойти в уборную, так вот, значит, у него будто бы, у Хлебникова, было под кроватью ведро, куда он спускал свои эти... и не позволял никому ни смотреть, ни дотрагиваться...

В. Д.: Но сам-то он должен был это убирать?

Е. Г.: Как-нибудь его обманывали, может быть, ведь <нрзб> убирал <нрзб>.

В. Д.: Это, конечно, уже такой факт чисто психиатрический.

Е. Г.: Это вот именно!

В. Д.: Это уже явная психиатрия. То есть когда... понимаю...

Е. Г.: Возможно, что у Хлебникова были такие минуты, что он был, как бы вам сказать, не совсем в своем уме, у Хлебникова.

В. Д.: Да. Но вы его как поэта, так сказать, воспринимаете?

Е. Г.: Очень, очень, очень, очень!

В. Д.: Очень, да? Так что вы его тогда уже и высоко ставили?

Е. Г.: Всегда. И там мы...

” Я не помню ни одной минуты, чтобы Лена, моя сестра, к нему как-нибудь тоже так странно относилась, нет. Она его так же просто принимала, как всякого другого. Никакой минуты, секунды подозрительности, что это не совсем нормальный человек, у нее не было. Тоже и у меня не было. У меня было: человек со странностями.

И я не уверена даже сейчас, если бы я встретила сейчас какого-нибудь странного человека, неужели у меня было такое чувство, что он психически ненормальный? Нет. Не знаю, не знаю.

В. Д.: Врачи говорят, что в наше время каждый четвертый человек, из четырех каждый четвертый с нарушенной психикой, это в наше время.

Е. Г.: С вами я вполне согласна, вполне согласна. И поэтому разделять как-то так это просто странно и, главное, как-то жестоко. Вот это чувство этой капли жестокости, это меня до такой степени откидывает всех людей, у кого я чувствую эту каплю жестокости, что я видеть их не могу. Я бы свою сестру бы выбросила, если бы видела в ней хоть каплю этой жестокости Но у нее этого не было!

О «Садках судей» и любимом произведении

В. Д.: Но у нее какая жестокость? Она удивительна... Я сейчас читаю ее «Верблюжат» опять во втором сборнике «Садка судей», очень я их люблю. Екатерина Генриховна, *[далее текст, не вошедший в запись, но сохранившийся в более ранней расшифровке: во-первых, вы устали уже.*

Е. Г.: Нет, я не устала. Я могла бы еще много говорить.

В. Д.: Маленькую паузу сделаем. Вот перед вами первый и второй «Садок судей». Я принес эти два сборника, «Садок судей» первый и «Садок судей» второй, в надежде, что он пробудит в вас какие-то ассоциации в смысле того, как это делалось...]

Хорошо, не буду вас обременять. А вот в следующий и, вероятно, последний раз, когда я приду вас записывать, я хочу сделать вот что: так как вы мелкий шрифт читать вслух не можете, то я хочу перепечатать на машинке заглавными, большими буквами...

Е. Г.: Стоит ли?

В. Д.: Для того, чтобы вы прочитали. Мне хочется с вами вместе выбрать, что. И вот я смотрю, может быть, не из первого «садка судей» взять, а из второго. Во втором «Садке судей» тоже есть ваша проза, которую я своим было забыл. Небольшая есть. Вы помните, что было и в первом, и во втором.

Е. Г.: Помню-помню.

В. Д.: Вот я листаю сейчас второй.

Е. Г.: А потом, вы знаете, единственное, что я считаю, так сказать, более или менее своим и про что моя сестра Лена сказала: «Я была бы рада писать так». Хотя я...

В. Д.: Ну-ну, и что?

Е. Г.: Называется она «Пятна». «Пятна» — это в этом сборнике «Трое».

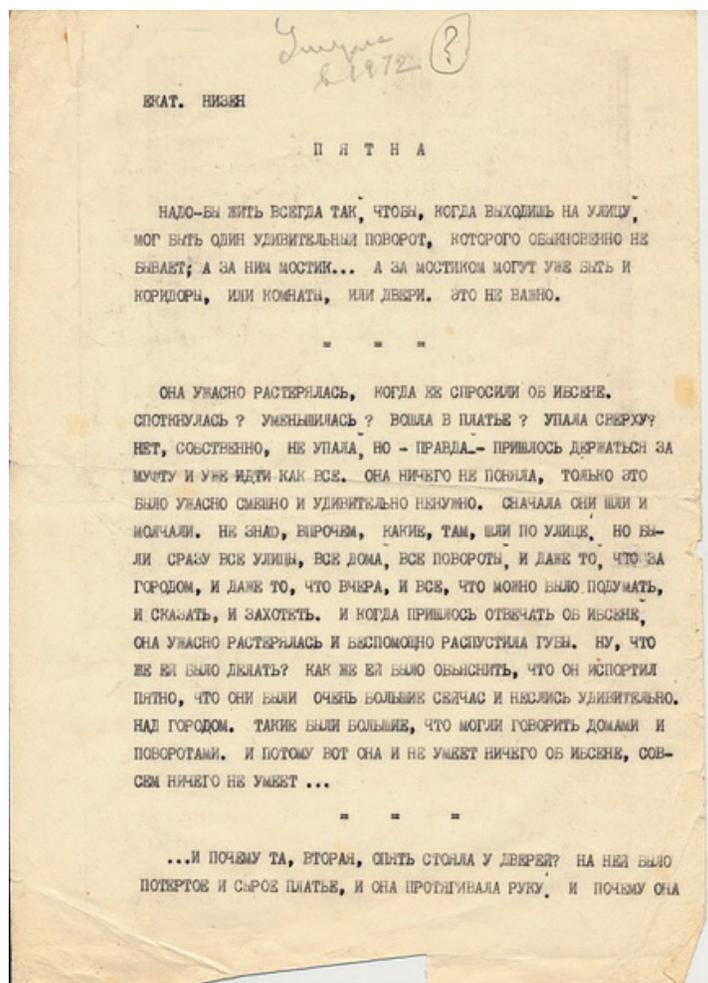
В. Д.: «Трое»?

Е. Г.: Да. Если я вообще не ошибаюсь. Возможно, я все перепутала.

В. Д.: По-моему, в сборнике «Трое» вас нет. Там Крученых, Каменский и Елена Гуро. И сборник посвящен Елене Гуро. Посмертно. Там предисловие есть. А четвертой, вас, там нет. А вот в «Садке судей» втором, вот на сто второй странице, есть отрывочек, есть кусок, который я совершенно не помню.

Е. Г.: <нрзб> «Пятна».

В. Д.: Да, «Пятна», «Пятна». Вот они и есть. Вот я очень хочу, чтобы вы это прочли вслух. Прочсть по этому тексту вы не сможете, да?

Первая страница «Пятна», напечатанная заглавными буквами для чтения Е. Г. Гуро. Архив Фонда «Устная история»

Е. Г.: Пожалуй, что нет. А почему вам это интересно?

В. Д.: Документ интересный, в авторском чтении. Ну как же! Через шестьдесят лет автор читает свою вещь. Это же очень интересно. Тем более что у вас несмотря на глухоту такой живой голос и живые интонации, что это будет одновременно какой-то такой комментарий такой, понимаете...

Е. Г.: Так понимаете, меня же совсем другие представления волнуют, я же не думаю, что человек старится.

” Разве я состарилась? Да нисколько!

В. Д.: Да, вы душой, так сказать, себя, очевидно, так и чувствуете, как будто... чувствуете неразрывную связь со своим детством.

Е. Г.: Да-да-да, вполне.

В. Д.: Что это был тот же самый человек.

Е. Г.: Совершенно. Но опять же, как сказать: неразрывную с самой собой. Я осталась совершенно та же, но прохожу через некоторые трудности, которые не дают мне проявить себя. Больше ничего.

В. Д.: Екатерина Генриховна, это чтение мы организуем... Вот больше всего из ваших вещей вам как

раз «Пятна» нравятся. Вот то, что в первом «Садке судей» про детей, которых вы называете тут маленькими животными, по-моему, это хуже. Помните, там дети на песочке, лиловые — это взрослые, розовые — это няньки и какие-то маленькие животные копошатся⁸...

⁸ Имеется в виду произведение «Детский рай». Садок Судей : [Вып. 1]. – СПб. : Журавль, 1910. С 25–32.

Е. Г.: Я сама это очень худо помню...

О своей биографии и псевдониме

В. Д.: И это очень длинно. А вот «Пятна» я полностью перепечатаю, это четыре страницы здесь. Ну, на машинке будет шесть. И мы в следующий раз устроим ваш вечер (*Е. Г. смеется*), ваш вечер, так сказать, «векам, истории и мирозданию», как говорил Маяковский (*смеется*). Вот. А сейчас, Екатерина Генриховна, я хочу о самой Екатерине Низен немножко, вернее, о Екатерине Генриховне Гуро услышать кое-что. Я начал ведь с вашей биографии. Она очень интересна. Я запомнил и отца, француза и генерал-аншефа, и мать, дочь Некрасовского, теперь бы сказали, выдвигенца, и, значит, вашу учительницу, которая вас на путь революции подвигнула.

Е. Г.: Да-да-да.

В. Д.: Но мне тут какой-то в образе вашего пути... Я уж не пристаю с датами, но все-таки... У меня какой-то большой разрыв. Вот, значит, в начале 90-х годов, тут идет война марксистов с народниками, споры, вот попала в революционную среду молодая девушка, в 94-м году, когда уже один год как Маяковский где-то в Багдаде родился, вам уж двадцать лет, и вы попадаете в революционную среду, а потом я вас встречаю в 910-м году, футуристку в этом самом сборнике «Садок судей» Вот мне непонятно, как вы из этой среды, вот чисто такой революционной, народнической... Вы говорите, что вы были ближе к марксистам, будь то анархисты, социал-демократы, эсеры, я не знаю, с кем вы были ближе, вот все равно, это все было как-то далековато от Давида Бурлюка.

Е. Г.: Далеко от Давида Бурлюка?

В. Д.: Я хочу, чтобы вы немножко дали собственный образ вот в это время, то есть в 910-м году вам уже тридцать шесть лет, так? А ушли вы из дома рано. Вот как вы, когда стали жить одна, вот в этот круг людей новый попали? Откуда тот же самый Матюшин появился около вашей сестры? Вот мне это непонятно. Я человек другой эпохи. Или, может, я неверно понимаю...

Е. Г.: Нет-нет! Это то же самое, чего я не понимаю! Потому что когда я из своей жизни попала опять к Лене, то меня поразило как-то: при чем тут Матюшин? Он мне показался <нрзб> для Лены, для меня ли, для всего. Я, кажется, Лену... У меня связь такая, может, очень неправильная, но такая: жила я в определенной семье, потом мне стало так жить невмочь, я ухожу и совершенно жестоко бросаю мою сестру. Потому что о ней уже почти не думаю, и что с ней и как... И сейчас, вы знаете, меня так ест, ест прямо мысль, что я до некоторой степени убийца по отношению к моей сестре.

Я, может быть, могла ее взять с собой. Я могла ей сказать, что ты живешь так-то и так-то и так-то и тебе худо, и ты никогда не будешь настоящим писателем. Уходи со мной! Я этого не сказала...

В. Д.: Когда вы ушли из семьи отца, то Лена осталась в семье?

Е. Г.: Вот в том-то и дело! В том-то и дело, что я просто ушла. И больше ничего.

В. Д.: А отец и мать умерли позже Лены?

Е. Г.: Позже Лены, конечно.

В. Д.: Значит, Лена, будучи футуристкой, продолжала жить в семье отца?

Е. Г.: В той же самой обстановке. И вот это-то меня убивало ужасно, что я Лену оставила в той же обстановке. А что я могла сделать? Ведь я не могла ее взять с собой, когда мне самой буквально нечего было есть! Так неужели я бы Лену потащила, зная, что Лена больная, слабая? Никогда.

Елена Гуро. Олень. Ок. 1908—1909. Источник: велимир-хлебников.рф

В. Д.: Это нечего было есть, когда вы занимались революционной деятельностью?

Е. Г.: Вот-вот.

В. Д.: Ваша среда была Стасова и так далее, да?

Е. Г.: Нет, вот в том-то и дело. Стасова — это были <нрзб>, которые до меня мало касались. Я ведь все, что я умела такого, это были самые обыкновенные рабочие, которые вот в такой вот комнатке жило пять, может быть, семей. Вот этот уголок такой-то семьи, этот уголок такой-то и так далее. Это вот была...

В. Д.: И вы были пропагандистом?

Е. Г.: Да. Я не знаю, чем я там была. Совершенно не знаю!

В. Д.: А что же вы пропагандировали?

Е. Г.: Очевидно, пропагандировала... Подождите-ка, дайте вспомнить. Все-таки, видите, они... я отвечала

им, так сказать, то, что они хотели. Они хотели видеть всю новую литературу пропагандистскую, и я считала своей великой обязанностью приносить им ту же «Искру», которую я иногда жестоко отрицала.

Я помню, я так спорила с Лениным, и, вы знаете, я, вам покажется глупостью, может быть, я столько спорила с Лениным.

В. Д.: Лично?!

Е. Г.: Лично.

В. Д.: Вы с ним встречались?!

Е. Г.: Господи! Я бы не встречалась! Может быть, я вам когда-нибудь говорила о семье Цедербаум, где я была своим человеком, близким, близким, своим человеком.

В. Д.: Цедербаум — это Мартовская семья. Цедербаум — Мартов.

Е. Г.: Мартов, Мартов.

В. Д.: Я знаю эту семью, сейчас жива его сестра.

Е. Г.: Вот-вот. Так вот я вам говорю... Не знаю, кого там и как называли, словом, это была моя семья. Когда там я почувствовала себя в своем доме очень плохо, то я вцепилась в эту семью, с которой я случайно познакомилась. Просто мы чуть ли не сидели в одной комнате, что ли, на уроке. Ну, одним словом, вот я... Сейчас мне очень трудно говорить... но это просто очень... Вот видите ли, просто очень... Потому что я самое себя просто не поняла: как это так, я училась в гимназии, хожу с каким-то такими девочками, девочки меня приглашают к себе зайти, я захожу и не только к этим. У меня много было всяких людей, которые меня очень любили как девочку и всячески звали. Помню я какую-то бесконечно бедную семью, нищенскую семью, где я бывала. Помню я, напротив, нарядную семью Стасовой. Я скажу, не знаю, я вот в этой нарядной семье себя нехорошо чувствовала, хотя они самые настоящие были, и в историю они попали, и все это такое. Не знаю, мне все это было чуждым.

В. Д.: А откуда ваш псевдоним Низен? А что значит ваш псевдоним?

Е. Г.: Ах это? Это сколько угодно! Низен — это название горы, которая находится близ Женевы. Причем ее местные жители называли Niesen die Schöne, то есть «Низен красивая». Назвали они потому, что удивительная форма этой горы. Это гора такая излюбленная, такая... Это были две вот такие штуки, две линии, которые сходились кверху.

В. Д.: Пирамидальная.

Е. Г.: Вот, и вся гора была. И она действительно была die Schöne, какое-то единственное существо. Не надо, ради бога не подумайте, что я себя считаю die Schöne, или что меня кто-то считал. Напротив, меня считали уродиной, потому что у меня был огромный рот, и все говорили, что у меня такой огромный рот, что просто безобразие.

В. Д.: Но почему же, какое вы отношение имеете к женевской горе. Почему эта гора стала вашим псевдонимом?

Е. Г. (смеется): А потому что... Вот это очень странно. Вот когда я потом прожила уже сколько-то времени в Петербурге, не имела отношения ни к горе, ни к чему другому, то мне просто как во сне снилось это удивительное сочетание. Что вот только так и так, как эта гора.

В. Д.: А вы жили в Женеве около этой...

Е. Г.: Жила, да. Я больше всего жила в Монтрё. Это, как вам сказать, на берегу Женевского озера, маленькое такое, не отель, но вроде отеля. И вот там, в этом Монтрё я много жила.

В. Д.: А вы туда попали как революционерка? Или как генеральская дочь? Или как социал-демократка? Вот я никак в этом не разберусь.

Е. Г.: Вот-вот-вот. А у меня всегда все было двойное. Потому что мои деньги, они все-таки шли от генеральской дочери, но в то же время, существуя, как генеральская дочка, мне до некоторой степени... мне было важно и нужно... Я не могу даже сказать, что я поддерживала, я никакие связи не поддерживала, но меня как-то... найдут меня люди — я буду очень рада. Не найдут — я тоже сижу и жду. Я была отдельно — не там, не там.

В. Д.: Как соединить: голодала и Женева? Как это соединить?

Е. Г.: А, во-первых, видите, в то время вообще...

В. Д.: Легче за границу было ездить, это понятно, но...

Е. Г.: Мало того, что легче, люди как-то... Сейчас это так редко: что одни <нрзб>, а другие <нрзб>. А прежде... Нет, этого не было.

В. Д.: То есть вы могли сегодня голодать, а через неделю получить через кого-то деньги все-таки, которые вам всучит семья, и уехать себе в Женеву?

Е. Г.: Вот-вот-вот. Правильно, правильно. Все правильно. И это не оставляло на мне никакого следа. Я голодала — прекрасно! Это прекрасно. Кончила — ну, кончилось. Сейчас меня себе трудно даже представить. Почему так все замечательно просто выходило. Замечательно.

В. Д.: В общем, вы прожили, несмотря на многие трудности, в общем счастливую жизнь.

Е. Г.: Да.

В. Д.: Несмотря... Это зависит от вашей внутренней...

О Михаиле Матюшине

Е. Г.: Мне везло, мне вечно везло. Везло, что я познакомилась с такими-то, везло, что я об них забыла, познакомилась с другими. Это тоже мне повезло. Так что мне очень везло в жизни. (*Провал в записи.*)... Отбросы или отщепенцы, которых в своем мире... их почему-то в своем мире не принимали, презрительно относились. И вот эти отщепенцы, к этим отщепенцам принадлежал Михаил Васильевич Матюшин, который вертелся среди таких непризнанных художников, как он попал в оркестр художественный, оркестр придворный? Это для меня сейчас непонятно. Как он попал в придворный оркестр?

В. Д.: А кто его родители? Какая среда, вы не знаете?

Е. Г.: Его? Я только знаю, что его жена совершенно не обладала...

В. Д.: Его мать или жена?

Е. Г.: Жена Матюшина. У него же двое детей⁹...

⁹ У Михаила Матюшина от первого брака с дочерью австрийского подданного Марией Ивановной Патцак (1865—1915) было четверо детей: три дочери и сын.

В. Д.: Это вот Ольга, да?

Е. Г.: Да нет, что вы!

В. Д.: Мать, вы хотите сказать?

Е. Г.: Сейчас скажу...

В. Д.: Первая жена Матюшина?

Е. Г.: У Матюшина первая жена (она, кажется, была портнихой, что ли, или не знаю, чем там. Не знаю, чем она была). Но у него было двое детей. И вот, значит, каким образом он ту семью бросил...

В. Д.: И женился на Гуро. На Елене Гуро.

Е. Г.: Да. Нет, ну, мне это... Я теперь начинаю немного бояться, что он был просто очень расчетливый и, может быть, дрянной человек, этот самый Матюшин. И когда явилась возможность ему уцепиться за что-то более интересное в жизни... И просто обеспеченность и все...

В. Д.: То он зацепился.

Е. Г.: Конечно.

В. Д.: Ну, хорошо, тогда с ним покончим. Ну, Екатерина Генриховна, устали? Екатерина Генриховна, Михаил Генрихович с меня тоже взял слово, что вас больше часа не перетружу, и на этом мы сегодня кончим.

Е. Г.: Ну что ж, ладно. Но напрасно, потому что я, конечно, даю очень мало, но тем не менее, я сама себя все лучше и лучше чувствую.

В. Д.: Ну, я очень рад. Значит, я к вам еще приеду, а вы будете мне читать.